СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

УДК: 81'42

DOI 10.23951/1609-624X-2019-2-63-69

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ИРРЕАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»

А. Ю. Колесникова, Л. Б. Крюкова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Введение. Представлено описание семантической модели слухового восприятия ирреальности, репрезентированной в тексте романа В. Пелевина. Моделирование процессов восприятия является одним из параметров художественного текста, который рассматривается в процессе анализа его коммуникативной и семантической структуры. Образы, основанные на чувственных ощущениях, являются ключевой составляющей художественной картины мира автора.

Материал и методы. Материалом исследования послужил роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота». Основным методом, используемым в процессе исследования языковой организации представленного материала, является лингвистический анализ.

Результаты и обсуждение. Изучение семантики перцептивности на материале постмодернистских текстов напрямую связано с проблемой реальности/ирреальности описываемых событий, предметов, явлений в художественном пространстве текста, что и обуславливает актуальность заявленной темы и включенность исследования в научный контекст. Описание ирреальных событий предполагает изменение (деформацию) инвариантной модели восприятия, в первую очередь связанную с усилением роли объекта восприятия. Особое внимание уделяется рассогласованию перцептивного и ментального модусов. Актуализируется неопределенность, размытость, странность объектов восприятия, обусловленная невозможностью зрительной деятельности и измененным состоянием сознания персонажа. Описание необычного перцептивного опыта персонажей свидетельствует о том, что в ситуации недоступности (отсутствия) зрительного канала перцепции слуховое восприятие позволяет моделировать картинку, которая существует лишь в измененном сознании того или иного героя повествования. Лингвистический анализ фрагментов текста показал, что ирреальность становится одним из объектов осмысления и творческой рефлексии автора художественного произведения. Для репрезентации ситуации необычного слухового восприятия используется широкий спектр языковых средств (неопределенные местоимения, сравнительные конструкции, неопределенно-личные и безличные односоставные предложения, сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными и соответствия и др.). В ряде случаев субъект восприятия осознает, что наблюдаемые события носят ирреальный характер и пытается найти их аналог в привычном мире (опираясь на свои слуховые ощущения). Это приводит к возникновению в тексте романа различных аналогий и сопоставлений.

Заключение. В результате анализа выявлено, что за счет транспозиционных переносов (зрение – слух) происходит усиление перцептивной составляющей и расширение художественного пространства произведения.

Ключевые слова: ирреальность, слуховое восприятие, звучание, семантическая модель.

Введение

Моделирование процессов восприятия может быть рассмотрено как один из параметров художественного текста, напрямую связанный с его коммуникативной и семантической структурой. Образы, основанные на чувственных ощущениях, являются ключевой составляющей художественной картины мира автора. Изучение семантики перцептивности на материале постмодернистских текстов напрямую связано с проблемой реальности/ирреальности описываемых событий, предметов, явлений, что и обуславливает актуальность заявленной темы и включенность предпринятого исследования в научный контекст.

Использование в неклассической литературе конца XX – начала XXI в. элементов ирреальности активно изучается в литературоведении. Ирреальность как оценка действительности, доступная персонажам и повествующим субъектам, нередко становится предметом авторской рефлексии: «Основными формами опыта героя, открывающими „ирреальность“ отдельных слоев действительности, являются встречи с „чудесной“ („сверхъестественной“) реальностью, с реальностью сновидения, видения или воспоминания, виртуальным или воображаемым миром [1, с. 45]. Описание ирреальности в лингвистическом аспекте представлено в работах Е. С. Поповой, рассматривающей

особенности маркирования ирреальности в творчестве М. Пруста [2], П. А. Поляковой – в цикле А. Пятигорского «Рассказы и сны» [3]. Диссертация И. А. Названовой посвящена изучению соответствующего концепта в семантическом пространстве русского языка [4].

Целью предлагаемой статьи является анализ языковых средств репрезентации слухового восприятия ирреальности и их функциональной нагрузки в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» [5].

Материал и методы

Основным методом, используемым в процессе исследования языковой организации представленного материала, становится лингвистический анализ, задачей которого является изучение языковых средств разных уровней в системе художественного текста с функционально-эстетической точки зрения, их соответствия замыслу автора и его индивидуальной манере письма [6, с. 36]. Практическое применение данного метода отражено в исследованиях Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина [7], Л. А. Новикова [8], Н. А. Николиной [9], М. И. Гореликовой, Д. М. Магомедовой [10] и др.

В силу того что объектом исследования стало семантическое пространство художественного произведения и изучение перцептивных единиц в процессе смыслового развертывания текста, в статье использовался метод лингвистического моделирования, направленный на выявление основных компонентов семантической структуры высказывания и описание способов репрезентации анализируемой ситуации. «Семантическая структура высказывания отражает модели восприятия и способы осмысления окружающего мира автором художественного произведения. <...> Автор моделирует художественный мир произведения, опираясь на свой культурный тезаурус, социальный и языковой опыт в соответствии с имеющимися эстетическими идеалами [11, с. 143].

В рамках антропоцентрического подхода в современной лингвистике сформировалось устойчивое представление о том, что квалификация и дифференциация многих лингвистических феноменов невозможна без учета особенностей языковой концептуализации перцептивных компонентов. Слуховое восприятие, так же как и зрительное, лежит в основе познания мира, его осмысления и категоризации и «сопровождает основные виды деятельности человека: бытовую, производственную, коммуникативную, творческую, деструктивную» [12, с. 10].

Семантическая модель слухового восприятия (СВ) имеет свою специфику, обусловленную «двухуровневой организацией» ситуации. Структура «макроситуации» СВ состоит из четырех обя-

зательных компонентов: объекта (источника звука), процесса звучания, субъекта и процесса СВ. Каждый из компонентов может имплицитно или эксплицитно присутствовать в структуре «микроситуации», отражающей процесс звучания [13, с. 176–178].

Описание ирреальных событий предполагает изменение (деформацию) инвариантной модели восприятия, в первую очередь связанную с «усилением» роли объекта восприятия: «Ирреальное восприятие представлено структурами безличных предложений, в которых субъект занимает пассивную позицию, поскольку в этих высказываниях речь идет о событиях, однозначная квалификация которых невозможна с точки зрения субъекта» [11, с. 24].

Семантический аспект изучения языковой репрезентации перцептивных процессов широко представлен в исследованиях, связанных с изучением предикатов восприятия, в том числе слухового, где раскрываются лексические особенности их номинации и функционально-грамматические признаки (работы Г. И. Кустовой [14], А. Л. Ломоносовой [15], Н. В. Моисеевой [16] и др.). Н. Д. Арутюнова отмечает, что слуховое восприятие отвечает только динамическому аспекту мира и дает языку прежде всего процессуальные глаголы. Семантика таких предикатов часто создается через указание на субъект, орудие и способ осуществления действия [17, с. 229].

Результаты и обсуждение

В рассматриваемом романе В. Пелевина предикативное ядро ситуации СВ представлено глаголами, передающими непосредственную ситуацию восприятия звука, к ним примыкает многочисленный пласт глаголов, содержащих сему звучания.

В русском языке в качестве основных средств выражения предикативного компонента СВ выступают базовые глаголы *слышать/слушать* [18, с. 146–147], а также образованные от них единицы: *вслушиваться, выслушивать, прислушиваться, прослушивать, прослышать, подслушивать, послышаться, слышаться, расслышать* [19, с. 253–255]. Базовые глаголы характеризуют процесс СВ с позиции активности/пассивности субъекта восприятия. Для глагола *слушать* характерна направленность на объект восприятия, а для *слышать* – на результат (факт) восприятия. Исследуя семантическое поле слухового восприятия, Е. А. Слободян отмечает, что с глаголом нецеленаправленного восприятия *слышать* в позиции объекта используются названия звуков, которые длятся непродолжительное время, или такие, в которые человек не вслушивается долго, а для глагола целенаправленного восприятия *слушать* характерно сочета-

ние с названиями звуков, длящихся во времени [20, с. 9].

Периферия предикативной группы СВ может быть представлена краткими прилагательными и страдательными причастиями, а также словами категории состояния. К непредикативному способу представления ситуации СВ можно отнести имена существительные, полные имена прилагательные и причастия, наречия с перцептивной семантикой.

Глаголы, репрезентирующие ситуацию звучания, могут быть классифицированы по семантическому признаку: глаголы речи (в том числе обозначающие громкость), глаголы с семантикой молчания, глаголы, связанные с чувственной сферой, глаголы, связанные с музыкой и пением, глаголы со значением убывания звука, глаголы, обозначающие производство звука и его распространение, глаголы, обозначающие качество звука и звуки, издаваемые человеком, животными и механизмами [21, с. 138–141]. Предикаты звучания регулярно представлены в художественных текстах глагольными единицами различных лексико-семантических групп в сочетании с лексемой *звук* или иными существительными, содержащими сему звучания.

Непредикативный способ реализуется путем использования существительных (в том числе соматизмов), прилагательных, причастий, наречий, которые выступают в качестве квалификатора звука: его громкости, продолжительности, качества и др. Специфика репрезентации ситуации звучания заключается в том, что семантический объект восприятия на синтаксическом уровне становится субъектом звучания, т. е. в предложении представлен звук (источник звука) и процесс его распространения.

Наиболее широкую репрезентацию перцептивные единицы получают именно в художественном тексте: где «становятся основой для создания ключевых художественных образов, способствуют смысловому развертыванию текста, участвуют в композиционной организации и являются характерной чертой авторского идиостиля» [22, с. 47].

В романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» одной из текстообразующих является ситуация «рассказывания»/«слушания». Находясь в психиатрической клинике, пациенты принимают участие в групповых сеансах, и каждый из них, будучи под действием лекарственных препаратов, рассказывает свою историю. Врач предлагает каждому из пациентов высказаться: *Ничего, – сказал Тимур Тимурович ласково, – мы не спешим никуда. Вы рассказывайте, а мы слушаем* [5, с. 22]. Таким образом, слуховому восприятию в процессе повествования отводится особая роль: персонажи не просто воспринимают информацию посредством слуха, но и становятся участниками коммуникативного акта,

который призван преодолеть негативный опыт и разделить его с другими пациентами.

Так, принимая участие в сеансе с Марией, главный герой романа Петр Пустота, находясь под воздействием лекарственного препарата, *слышит, но не может видеть* происходящего. В ситуации, когда зрение недоступно, слуховое восприятие становится основным способом получения информации о внешнем мире: моделируются звуковые образы, которые позволяют персонажу ориентироваться в пространстве и воспринимать окружающих: *Кажется, мы въехали в какую-то комнату – заскрипела дверь, и я услышал обрывок смолкшего разговора. Тимур Тимурович поздоровался с темнотой, и ему ответило несколько голосов. Меня тем временем переложили на невидимую кровать, подоткнули под мою голову подушку и накинули сверху одеяло. Некоторое время я прислушивался к долетавшим до меня фразам (Тимур Тимурович объяснял каким-то людям, почему меня так долго не было), а потом полностью отключился от происходящего* [5, с. 21].

Автор моделирует измененное состояние сознания, когда внимание персонажа фокусируется на объектах звучания и СВ, что на языковом уровне репрезентировано соответствующими лексическими единицами: *услышать, прислушаться, заскрипеть, поздороваться, ответить, смолкшего (разговора), долетавшим (фразам), несколько голосов*. Ситуация является для персонажа необычной, глагол *кажется* реализует общую для фрагмента семантику неопределенности, неясности. Неопределенные местоимения указывают на ограниченные возможности СВ и невозможность дать более конкретную характеристику перцептивному объекту: *какую-то комнату, каким-то людям*.

Специфический зрительный образ репрезентирован словосочетанием *поздороваться с темнотой*. Петр не может видеть других людей, и единственное, что доступно ему в отсутствие зрительного восприятия, – это *темнота*. Он отмечает, что его кладут на *невидимую* кровать, в очередной раз подчеркивая, что лишился возможности ее увидеть. Другие действующие лица рассматриваемого эпизода обозначаются только посредством *голоса* – единственной характеристики, доступной СВ. Таким образом, происходит метонимический перенос, основанием для которого становится СВ.

На синтаксическом уровне отсутствие возможности видеть других людей маркируется использованием неопределенно-личных конструкций, которые акцентируют внимание не на субъекте, а на выполняемом действии: *переложили, подоткнули, накинули*.

Замена ведущего перцептивного канала звучания на СВ становится основой для галлюцинации:

Я вдруг заметил, что чем дальше я вслушиваюсь в долетающие до меня слова, тем тяжелее доходит до меня их смысл [5, с. 22]. Моделируется ситуация рассогласования перцептивного и ментального модусов, когда сенсорная информация не подвергается дальнейшей мыслительной обработке, в результате чего субъект не понимает смысла услышанного. Постепенное изменение привычного восприятия репрезентируется сложноподчиненным предложением со значением соответствия (*чем... тем...*), которое в то же время демонстрирует тщетность попыток субъекта вернуться к нормальному восприятию окружающей действительности. «Наглядность» описываемой ситуации моделируется при помощи метафоры: *Было такое ощущение, что этот смысл привязан к ним на веревках, и эти веревки становятся все длиннее и длиннее* [5, с. 22].

Нарушение ментальных процессов приводит к возникновению нового «режима» восприятия: *Одновременно я стал видеть некое подобие зыбкой картинкой – набережную, затянутую клубами дыма, и идущую по ней женщину с широкими мускулистыми плечами* [5, с. 22].

Так как субъект осознает, что наблюдаемое событие носит ирреальный характер, он пытается найти его аналог в привычном мире (опираясь на свои слуховые ощущения), что и приводит к возникновению сопоставления: *некое подобие зыбкой картинкой*. Прилагательное *зыбкий* указывает на неопределенность и нестабильность восприятия, в результате которого выстраивается зрительная галлюцинация: *Я знал, что ее зовут Мария, и мог одновременно видеть ее и смотреть на мир ее глазами. В следующую минуту я понял, что каким-то образом воспринимаю все ее мысли и чувства* [5, с. 22]. Новый режим восприятия объединяет в себе сенсорные каналы (зрительный и слуховой), поэтому автор использует общий предикат *воспринимать*, а на характер процесса указывает словосочетание с неопределенным местоимением *каким-то образом*, что в очередной раз подчеркивает невозможность осуществить подобное восприятие в нормальном состоянии сознания.

В эпизоде с другим персонажем, Володиным, и его приятелями описан эффект от приема наркотических веществ, который также влечет за собой нарушение привычных перцептивных процессов.

Автор моделирует ситуацию, когда персонажи сталкиваются с необычным перцептивным объектом: *Не успели стихнуть эти слова, как сидящие вокруг костра вдруг услышали доносящиеся со всех сторон петушиные крики. Если вдуматься, это было очень странно, потому что кур и петухов в округе не водилось со времен XX съезда. Тем не менее, кукареканье раздавалось вновь и вновь, и эти*

древние звуки заставляли думать о страшном. Некоторое время все зачарованно вслушивались в эту забытую музыку, а потом крики не то стихли, не то до такой степени слились с фоном, что перестали вызывать интерес [5, с. 130].

Приведенный отрывок насыщен языковыми средствами с семантикой СВ и звучания: *услышать, вслушиваться, стихнуть, крики, музыка, звуки, кукареканье*. Разделительная конструкция с союзами *не то... не то* моделирует неопределенность перцептивной ситуации, когда звуки неожиданно возникают и исчезают. Семантика таинственного и необъяснимого вводится в данный текстовый фрагмент детерминантами *вдруг* и *со всех сторон*. Подчеркивается внезапность появления звуков, источник и место происхождения которых невозможно определить. Автор использует безличные конструкции *было странно, было очень загадочно* для создания иронического подтекста, подчеркивая необычность («ненормальность») перцептивной ситуации. Далее описывается объект СВ – *крики* и их странная последовательность: *крики всегда прилетали по три сразу, а потом наступала короткая пауза*. Ситуация доводится до абсурда: – *Атас, – прилетел со всех сторон голос Шурика. Собственно говоря, никаких сторон уже не было, и голосов тоже* [5, с. 130].

Нарушение перцептивных процессов и мыслительной деятельности персонажей представлено в тексте сложноподчиненными конструкциями с изъяснительными придаточными: *Вместо голоса было некое присутствие, которое заявляло о себе таким образом, что делалось ясно – это Шурик. А смысл этого заявления о себе был таким, что наиболее точно соответствовал слову «Атас»* [5, с. 130]. Автор использует грамматическую форму превосходной степени *наиболее точно*, подчеркивая, что это лишь попытка поиска адекватного вербального выражения для описания состояния персонажей.

Заключение

Анализ приведенных фрагментов текста показывает, что в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» специфика слухового восприятия персонажей может быть описана следующим образом: прием психотропных веществ – изменение характеристик зрительного восприятия с дальнейшим «отключением» зрения – актуализация слуха – рассогласование перцептивных процессов и ментальной деятельности.

Семантическая модель слухового восприятия включает все основные базовые компоненты, но при этом актуализируется «неопределенность», «размытость», «странность» объекта восприятия. Автор использует широкий спектр языковых средств (неопределенные местоимения, сравни-

тельные конструкции, неопределенно-личные и безличные предложения, придаточные изъяснительные и соответствия и др.).

Описание необычного перцептивного опыта персонажей свидетельствует о том, что в ситуации недоступности (отсутствия) зрительного канала перцепции слуховое восприятие позволяет моде-

лировать картинку, которая существует лишь в измененном сознании того или иного героя повествования. За счет транспозиционных переносов (звучание – СВ) происходит расширение художественного пространства произведения, и ирреальность становится одним из объектов осмысления и творческой рефлексии.

Список литературы

1. Дрейфельд О. В. «Ирреальность» воображаемого мира героя и «неклассическая» литература XX в. // Новый филол. вестн. 2015. № 2 (33). С. 44–50.
2. Попова Е. С. Особенности маркирования ирреальности в произведениях М. Пруста «Обретенное время» // Вестн. ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 60–65.
3. Полякова Н. А. Реальность и ирреальность в цикле А. Пятигорского «Рассказы и сны» // Вестн. Пермского ун-та. 2010. № 6 (12). С. 180–185.
4. Названова И. А. Концепт «ирреальность» в семантическом пространстве русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2006. 23 с.
5. Пелевин В. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус, 1999. 165 с.
6. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Ч. 1. Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. 129 с.
7. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта: Наука, 2000. 496 с.
8. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 300 с.
9. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
10. Гореликова М. И., Магомедова Д. М. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Русский язык, 1983. 127 с.
11. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Т. А. Демешкина, Н. А. Верхотурова, Л. Б. Крюкова, Н. В. Курикова. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 196 с.
12. Хакимова Г. Ф. Представление сферы слухового восприятия в русско-английском функционально-когнитивном словаре: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Уфа, 2005. 24 с.
13. Логачева О. Ю. Семантико-синтаксические особенности предложений, обозначающих ситуацию звучания: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 219 с.
14. Кустова Г. И. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 229–238.
15. Ломоносова А. Л. Семантико-синтаксическая организация высказываний со значением восприятия и их функционирование в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 177 с.
16. Моисеева Н. В. Глаголы восприятия в русском языке // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1998. № 6. С. 82–91.
17. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека М.: Языки славянской культуры, 1999. 896 с.
18. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981. Т. 4. 797 с.
19. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
20. Слободян Е. А. Системный, функциональный и исторический аспекты семантического поля слухового восприятия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 24 с.
21. Корычанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Вгпо, 2016. 236 с.
22. Хизниченко А. В., Крюкова Л. Б. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б. Л. Пастернака // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 44–57.

Колесникова Анна Юрьевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: anna.shevt@mail.ru

Крюкова Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26.12.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-2-63-69

LINGUISTIC MODELING OF THE AUDITORY PERCEPTION OF “IRREALITY” IN VICTOR PELEVIN’S NOVEL “CHAPAEV AND PUSTOTA”

A. Yu. Kolesnikova, L. B. Kryukova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The article describes the semantic model of auditory perception of “irreality”, represented in the text of the novel by Victor Pelevin. Modeling of perception processes is one of the parameters of the artistic text considered in the analysis of its communicative and semantic structure. Images based on sensory sensations are a key component of the artistic picture of the author’s world.

Material and methods. The study of the semantics of perceptivity on the material of postmodern texts is directly connected with the problem of “reality/irreality” of the described events, objects, phenomena in the artistic space of the text, which makes the research topic relevant, and includes the research in the scientific context.

Results and discussion. The description of irreal events presupposes a change (deformation) of the invariant perception model, primarily related to the “strengthening” of the role of the object of perception. Particular attention is paid to the “mismatch” of the perceptual and mental modes. “Uncertainty”, “blurring”, “strangeness” of objects of perception, caused by the impossibility of visual activity and the altered state of the character’s consciousness, are actualized.

Description of the unusual perceptual experience of characters indicates that in the situation of unavailability (absence) of the visual channel of perception, auditory perception allows to model a “picture” that exists only in the altered consciousness of one or another character of the narrative.

Linguistic analysis of the fragments of the text showed that “irreality” becomes one of the objects of comprehension and creative reflection of the author of the novel. To represent the situation of unusual auditory perception, a wide range of language means is used (indefinite pronouns, comparative constructions, indefinite-personal and impersonal one-member sentences, complex sentences with complement clauses and correspondences, etc.). In some cases, the subject of perception realizes that the events observed are of an irreal nature and tries to find their analogue in the familiar world (relying on their auditory sensations). This leads to the emergence of various analogies and comparisons in the text of the novel.

The *conclusion* emphasizes that due to transpositional transfers (vision – hearing), the perceptual component is “strengthened” and the artistic space of the work is “expanded”.

Keywords: *irreality, auditory perception, sound, semantic model.*

References

1. Dreyfel'd O. V. “Irreal'nost'” voobrazhayemogo mira geroya i “neklassicheskaya” literatura XX v. [“Irreality” of the imaginary world of the hero and “nonclassical” literature of the twentieth century]. *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*, 2015, no. 2 (33), pp. 44–50 (in Russian).
2. Popova E. S. Osobennosti markirovaniya irreal'nosti v proizvedeniyakh M. Prusta “Obretennoye vremya” [Features of labeling irreality in M. Proust’s “The Time Found”]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2009, no. 2, pp. 60–65 (in Russian).
3. Polyakova N. A. Real'nost' i irreal'nost' v tsikle A. Pyatigorskogo “Rasskazy i sny” [Reality and irreality in A. Pyatigorsky’s cycle “Tales and Dreams”]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*, 2010, no. 6 (12), pp. 180–185 (in Russian).
4. Nazvanova I. A. Kontsept “irreal'nost'” v semanticheskom prostranstve russkogo yazyka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The concept “irreality” in the semantic space of the Russian language. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Taganrog, 2006. 23 p. (in Russian).
5. Pelevin V. *Chapayev i Pustota* [Chapaev and Pustota]. Moscow, Vagrius Publ., 1999. 165 p. (in Russian).
6. Bolotnova N. S. *Filologicheskyy analiz teksta. Ch. 1* [Philological analysis of the text. Part 1]. Tomsk, TSPU Publ., 2001. 129 p. (in Russian).
7. Babenko L. G., Kazarin Yu. V. *Lingvisticheskyy analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of literature text]. Moscow, Flinta Publ., 2003. 496 p. (in Russian).
8. Novikov L. A. *Khudozhestvennyy tekst i yego analiz* [Literature text and its analysis]. Moscow, LKI Publ., 2007. 300 p. (in Russian).
9. Nikolina N. A. *Filologicheskyy analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 256 p. (in Russian).
10. Gorelikova M. I., Magomedova D. M. *Lingvisticheskyy analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of literature text]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1983. 27 p. (in Russian).
11. Demeshkina T. A., Verkhoturva N. A., Kryukova L. B., Kurikova N. V. *Lingvisticheskoye modelirovaniye situatsii vospriyatiya v regional'nom i obshcherossiyskom diskurse* [Linguistic modeling of a perception situation in a regional and all-Russian discourse]. Tomsk, TSU Publ., 2006. 196 p. (in Russian).
12. Khakimova G. F. *Predstavleniye sfery slukhovogo vospriyatiya v russko-angliyskom funktsional'no-kognitivnom slovare. Dis. kand. filol. nauk* [Representation of the acoustical perception sphere in the Russian-English functional and cognitive dictionary. Diss. cand. of philol. sci.]. Ufa, 2005. 160 p. (in Russian).

13. Logacheva O. Yu. *Semantiko-sintaksicheskiye osobennosti predlozheniy, oboznachayushchikh situatsiyu zvuchaniya*. Dis. kand. filol. nauk [Semantic and syntactic features of sentences, denoting the situation of sounding. Diss. cand. of philol. sci.]. Moscow, 1998. 219 p. (in Russian).
14. Kustova G. I. *Pertseptivnyye sobyitiya: uchastniki, nablyudateli, lokusy* [Perceptual events: participants, observers, locus]. *Logicheskiy analiz yazyka: Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke* [Logical analysis of the language: An image of the person in culture and language]. Moscow, Indrik Publ., 1999. Pp. 229–238 (in Russian).
15. Lomonosova A. L. *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya vyskazyvaniy so ssylkoy na nikh i ikh funktsionirovaniye v khudozhestvennom tekste*. Dis. kand. filol. nauk [The semantic-syntactical organization of statements with value of perception and their functioning in the literature text. Diss. cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2004. 177 p. (in Russian).
16. Moiseeva N. V. *Glagoly vospriyatiya v russkom yazyke* [Verbs of perception in the Russian language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 9. Filologiya – Moscow University Bulletin, Ser. 9. Philology*, 1998, no. 6, pp. 82–91 (in Russian).
17. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).
18. Yevgen'yeva A. P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 4* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981. 797 p. (in Russian).
19. Paducheva Ye. V. *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 608 p. (in Russian).
20. Slobodyan Ye. A. *Sistemnyy, funktsional'nyy i istoricheskiy aspekty semanticheskogo polya slukhovogo vospriyatiya*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [System, functional and historical aspects of the semantic field of auditory perception. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Ufa, 2007. 24 p. (in Russian).
21. Korychankova S., Kryukova L., Khiznichenko A. *Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti* [Poetic picture of the world through the prism of the category of perceptivity]. Brno, Masaryk University Publ., 2016. 236 p. (in Russian).
22. Khiznichenko A. V., Kryukova L. B. *Proyekt slovary pertseptivnykh obrazov poeticheskogo tvorchestva B. L. Pasternaka* [The project of the dictionary of perceptual images used in B. Pasternak's poetic works]. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*, 2018, no. 13, pp. 44–57 (in Russian).

Kolesnikova A. Yu., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: anna.shevr@mail.ru

Kryukova L. B., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: lar-kryukova@yandex.ru